

Недавно его схватили за руку прямо в центре Москвы и со словами: "Вы-то как раз нам и нужны!" — пригласили на... съемки. — Понимаете, у вас такое иностранное лицо, не постоите у нас в массовке? Мы про границу кино снимаем.

Будрайтис отнесся к просьбе ответственно и явился в указанное время. Один известный режиссер, как раз снимавший этот фильм, увидев старого товарища на площадке, попросту "обалдел":

— Привет, какими судьбами?

Тут все вскрылось, и молодому ассистенту из поколения "пепси" досталось от шефа за то, что не узнал звезду советского кинематографа. После "разборки" Будрайтис, нисколько не смущаясь, искренне спросил:

— Так куда встать?

...Встречу он назначил "на посту" — в гулком и холодном доме Балтрушайтиса, культурном центре при своем посольстве. Начал разговор "за-стегнутый на все пуговицы", но уже через полчаса от его национальной сдержанности не осталось и следа. Хоть говорил все с тем же неизменным приятным акцентом, путаясь иногда в непонятных для него русских словах (типа "валенки").

— Юозас Станиславович, когда вам предложили должность советника по культуре посла Литвы в России, что имело решительное значение: связи, авторитет в России или вспомнили о вашем образовании — юридическом факультете Вильнюсского университета?

— Какими соображениями руководствовался министр иностранных дел, когда выбрал меня, не знаю, он не говорил. Но, полагаю, не последнюю роль имела моя известность в России. Не раз за эти четыре года мне приходилось слышать по поводу моего назначения "возгласы" с российской стороны: "Как умно кто-то придумал так сделать!" А образование? Конечно, помогает. Как и само сознание ответственности работы за рубежом.

— Все-таки Москва для вас теперь — за рубежом?

— Да. Я понимаю, что вы имеете в виду, но мое мнение — это частное дело, которое не касается моей службы. Да, у меня здесь много друзей, много связей с людьми культуры. И наши от-

ЖАВОРОНОК ИЗ ЛИТВЫ

ношения как бы уничтожают эту границу — не физическую, а психологическую. Но все равно я — гражданин своего государства, и его интересы для меня самые главные. Мое огромное желание — всячески сблизить деятелей культуры. Как это происходит на ежегодных научных чтениях памяти Юргиса Балтрушайтиса. Он был литовским поэтом и послом нашей страны в России до войны. Но он был и русским поэтом, потому что писал по-русски. В будущем году на чтения, которые собирают весь цвет европейских ученых, обещал прибыть из Швейцарии Дмитрий Иванов — сын Вячеслава Иванова. Еще в Москве постоянно действует фестиваль балтийских стран "Нордвест". Мы проводим фотовыставки, встречи переводчиков из Швеции, Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии.

— Вы сами как автор принимает участие в "тех выставках, которые организуете?"

— Нет. Я давно не снимаю, а старые фотографии "пользовать" как-то не очень хорошо.

— А почему вы бросили свое любимое занятие? Я знаю, что первым вашим фотоаппаратом был широкоплеченный "Любитель". Тогда в городке Швекшна, где вы жили, не было электричества, и вы печатали карточки, прислоня негатив к стеклу керосиновой лампы. А теперь, после столько лет любви к фотографии, после побед на профессиональных выставках, стали, как вы сами это называете, "шлепать мыльницей"...

— "Мыльница" для меня скорее записная книжка, нежели фотоаппарат. Есть много встреч, много известных интересных людей, с которыми приходится общаться, и она мне служит "восстановлением факта" встречи. А "Любитель" и правда был, я купил его, когда мне было лет 15. И им я пощелкал у себя в огороде.

— Первыми объектами, значит, стали грядки?

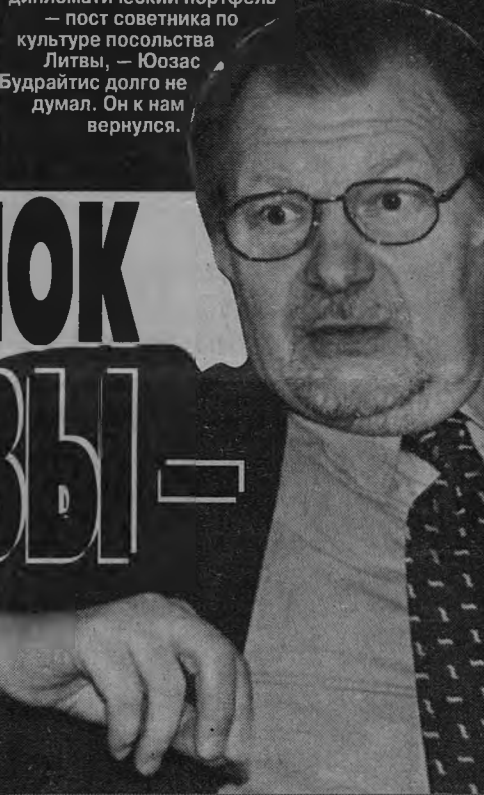
— Нет, двое слепых мужиков на грядках. (На этих словах возникла первая улыбка на лице нашего традиционно невозмутимого собеседника — лед тронулся. — Е.С.-А.) Тогда мы "переползли" в маленький городок Швекшна, после того как много лет бегали по глухим деревням от вагонов, в которых направляли людей в Сибирь. (Брат отца бежал на Запад после вступления Советской Армии в Литву, и нам пришлось прятаться от преследований НКВД.) Отец мой в Швекшне и похоронен. Мама, спасибо Господи, здравствует, ей 82 года, и живет она по-прежнему там. А слепые у нас в доме были всегда, отец их обучал "валить валенки". Я правильно сказал?

— Валять.

— Да, валять. А отца научил его отец. Я уже не умею... Слепые стали моими самыми близкими друзьями. Началось с того, что попросили стихотворение прочитать, потом — книжку. Так я стал "озвучивателем" книг. Мы приходили в книжный магазин, они выбирали что-то себе и одну на мой вкус обязательно покупали мне в подарок. К 16 годам у меня собралась уже порядочная библиотека. Страсть слепых к книге заразила и меня. С той поры без книги я чувствую себя так, словно у меня нет одной стены в доме. Нет защиты, нет хорошего самоощущения. Не обязательно, что ты их прочтешь все от корки до корки. Сама по себе книга как друг, и ты знаешь, что всегда сможешь к ней обратиться.

Когда-то давно, когда Литва, Латвия и Эстония не были иностранными государствами, их называли Прибалтикой — нашей собственной советской границей. А Донатаса Баниониса, Регимантаса Адомайтиса и Юозаса Будрайтиса — с легкой руки Андрея Миронова — называли тремя богатырями с берегов Балтийского моря. "Горячие литовские парни" играли "настоящих иностранцев" — негодяев, авантюристов и миллионеров — и сражались наповал сердца советских дам своим неповторимым "прибалтийским" акцентом.

В схватке с "новым порядком", разметавшим героев и их поклонниц по разным сторонам границы, не сдался только один — тот, кто 33 года назад ворвался в кино прямо с улицы. Тот, кто умудрился так и не получить актерского образования, что абсолютно не отразилось на его карьере — его полюбили сразу и навсегда, с первого фильма, с роли "лесного брата" в "Никто не хотел умирать". И когда четыре года назад ему предложили дипломатический портфель — пост советника по культуре посольства Литвы, — Юозас Будрайтис долго не думал. Он к нам вернулся.

МНЕ ЧИТА АНТОНИОНИ

— Вы по-прежнему встаете в пять утра, чтобы до работы спокойно выпить чашечку кофе и несколько часов в тишине почитать?

— И сегодня думаю встать в пять, но проснулся полпятаго и подумал: "Ай, надо еще немножко понежиться". И неожиданно для себя уснул. Открываю глаза — уже без пятнадцати восемь. У меня вообще был шок. Не могу перенести такого состояния, когда нужно быстро поспать, испугаться, быстро сварить себе кофе, быстро одеться и быстро бежать. Для меня это время пропало, я в это время не жил. Я привык даже зубы чистить медленно, деликатно, обновлявая все движения, видя в них какую-то философскую идею. И я привык, что по утрам у меня есть очень много красивого времени, чтобы общаться с той литературой, которая мне нравится.

— Ваша супруга переехала к вам в Москву или по-прежнему живет с детьми в Вильнюсе? Чем она занимается?

— В основном Вита со мной. Она — доктор химических наук, имеет много изобретений. Дети разбросаны по белу свету. Дочь, окончив в Вильнюсе школу, поехала во Флоренцию и изучает там итальянский язык. Кроме того, Юстина очень хорошо знает английский и русский. Уже теперь она получает восьмой балл, когда достигнет девятого, сможет сама преподавать. Собирается учиться искусствоведению или туристическому менеджменту, не знаю, на чем остановится. Сыну Мартину — тридцать. Получил актерское образование, но ушел в бизнес, как

я это называл, "пирожки пек". (Будрайтис смеется.) Лед межнациональных отношений растоплен окончательно. Ура! — Е.С.-А.) Потом вместе с друзьями учредил частный театр. Сейчас они активно выступают не только в Литве, но по всей Европе. В России не показывались, не проявляют пока желания. Их театр — одновременно и семейное дело. Невестка — один из ведущих сценаристов Литвы, работает с ними. Их сыну, моему внуку Николасу, 23 декабря исполнится восемь лет. Увлекается компьютером и роликами. На них он объезжает всю квартиру. Руки помп — на роликах, к обеду — на роликах. В Москве был как-то на каникулах, особенно понравилось метро.

— Юозас Станиславович, а вы не думали попробовать себя в роли продюсера молодых литовских кинематографистов?

— Мне не очень нравится, когда человек берет сразу за все. Правда, я мог бы быть в какой-то мере заступником перед кем-то за наших актеров. А кому предлагать? Если я здесь уже четыре года сижу и никому не нужен, так кому понадобится известный актер?

— Ну почему же не нужны? В "Классике" у Георгия Шенгелия сыграли недавно главную роль.

— За четыре года один раз предложили! В "Классике" я хотел больше посмеяться над своим героем, но было очень мало времени для размышлений — две недели отпуска на все. Немножко пря-

ЮОЗАС БУДРАЙТИС: "Без кино — как без любимой женщины"

молинейным, на мой взгляд, получился этот негодяй. Предложение роли застигло, конечно, врасплох. Думаю, что теперь мне не нужно за это брать, потерял форму. Ну, прошло время, будем считать. Ну, был такой эпизод в моей жизни... Затянувшийся на тридцать лет. Главное, я не драматизирую. Часто задают вопрос: "Не жалко?" Я отвечаю: "Нисколько. Если мне интересно на моей работе, какая разница, что я делаю". А мне интересно.

— Не так давно вы говорили про то, что вас не зовут сниматься в кино, совсем иначе: "Чувствую себя так, словно покинула любимая женщина". Значит, пытаетесь ее кем-то заменить, забыть, но не получается? Разрыв тяжело дается?

— Так и есть. Я не отрекаюсь от своих слов. Но не обязательно, если меня покинула любимая женщина, повторять это без конца, ранить свою душу. Об этом надо молчать. Но это не трагично, ссызывается, и без нее жить могу. И новая работа как-то компенсирует ту утрату. И если бы было еще столько предложений, как раньше, я бы еще подумал, что выбрать.

— С Никитой Михалковым у вас прекрасные приятельские отношения, и при этом вы как-то горько обмолвились, что мечтаете у него сняться, но даже не надеетесь на приглашение...

— Мы всегда с ним любезно раскланиваемся, он меня хвалит за некоторые мои работы и любит пошучивать: "Вот настоящий Чехов, это персонаж Чехова". Ну и что. Одно дело быть хорошим знакомым, другое — творческий процесс. В нем уже ни дружбы, ни родства не должно быть. Я не люблю проситься в гости, если меня не приглашают. А общаюсь я со многими режиссерами. С Александром Прошкиным мы дружны...

— Он снял вас в своем последнем еще не выпущенном на экраны, но уже нашумевшем фильме "Русский бунт" по "Капитанской дочке" в роли губернатора Оренбурга?

— Он придумал, что я смогу сыграть этого немножко чокнутого губернатора. Роль небольшая, но я рад, что он вспомнил обо мне как об актере, что встретился снова с ним на площадке. 18 лет назад Прошкин "пробил" мое тогдашнее героическое амплу своим комическим фильмом "Опасный возраст", в котором мы сыграли с Алисой Фрейндлих. После моего нюхача на меня посмотрели иначе, и появились другие чудики. В телефильме "Карусель" — странный химик, там моей партнершей была Марина Неелова. В "Грешнике" с Лией Ахеджаковой — то-карь.

— А какие роли все-таки любимые: чудакватые или героические, лирические?

— В определенный момент нравился фильм "С тобой и без тебя..." Родиона Нахапетова, где я сыграл Федора. Были и случайные работы, теперь непонятно, почему я их брал. Не сожалю ни о чем, нет. Я даже не знаю, сколько фильмов у меня — никогда не считал. И рецензии из газет вырезал, если только на глаза попадались, специального архива никогда не вел, фотографий со съемок тоже не храню.

— Вы из большой крестьянской семьи, у вас было много братьев и сестер, вы росли на

земле. Помогла ли вам крестьянская закалка, полученная от предков, ваши корни?

— Ну это только от рождения. (Будрайтис снова смеется. — Е.С.-А.) В процессе жизни от крестьянства я далеко отошел. За плугом не ходил. Нас было трое пацанов и две девочки, я — самый старший. Был и нянкой, и командиром, и готовить для них приходилось, и убирать.

— Вам вернули отцовскую землю. Построите когда-нибудь на ней дом или продадите?

— Планов-то много, но когда успеть их реализовать... Во-первых, далеко от Вильнюса. Были мысли поменять эту землю на что-нибудь поближе. С другой стороны, почему менять, если там жили мои предки? Землевладельцем себя совсем не ощущаю, я же ничего в этом не понимаю. Могу только косточку сливы бросить в землю осенью, чтобы весной взошла. На окне у себя дома из кофейных зерен вырастил вот такие (Будрайтис показывает приличный размерчик, чуть ли не метр от пола. — Е.С.-А.) кофейные деревца. А зерна из Колумбии привез.

— Это когда вы были там на гастролях с Някрошюсом со спектаклем "Три сестры", где вы играли Соленого?

— Да. В прошлом году последний раз выходил на сцену, сколько пришлось поездить из Москвы на спектакли в Литву и обратно! Но театр не любит компромиссов, ты ему должен отдавать весь, поэтому пришлось бросить играть. Когда-то я пять лет работал в Каунасском драматическом театре у Вайкуса и даже отрекся, помню, в какой-то мере от дома. Жил я в Вильнюсе и ездил бесконечно туда-сюда, а когда в репертуаре стало больше спектаклей с моим участием, даже ночевал на полу в гримерке, семью только изредка навещал. Театр приносит ощущение кокона. Забываешь обо всем, кроме своих ролей. Вся энергия, все уходит туда. И как будто природы не вижу и радоваться ничему не умею, и восходы солнца перестали волновать. Поэтому я не выдержал и ушел.

— Тогда давайте вернемся к вашей личной жизни. Я слышала, вы в детстве кур-ловили на удочку с колхозного двора, чтобы семью кормить.

— Нет, что вы! Мы выкидывали такие трюки, но не с благородной целью, а ради приключения. Да, было трудное время. Я помню, когда пятеро детей сидели полуголодные — пили чай без сахара, с черным хлебом, на котором ничего намазано не было. Если мясо мама давала, на один зуб брали, чтобы только во рту его вкус был (Будрайтис показывает, как это, прикусывая гипотетический кусочек. — Е.С.-А.) Как будто мясо ешь. Но голодали мы недолго и кур ловили уже после. Не то что массово убивали, ну раз случилось. Шли мы с другом на рыбалку мимо курятника, и пришла в голову мысль: а вдруг получится? Закинули удочку с червяком на крючке за забор, и почти сразу "клюнуло". Оказалось, еще лучше и проще, чем рыбу ловить. Мы ее глиной облепили, и на костер. Потом сдирали глину вместе с перьями и ели.

— Вы гурман? По-прежнему возите, как и раньше, литовские продукты в Москву, неужели сейчас что-то в нашей столице нельзя найти?

— Сметаны такого качества не могу найти, творог литовский — это вообще неопишимо! А сыры творожные?! Таких в принципе в Москве не бывает. Все везу, а что делать. Даже сало здесь не то, и пробовать не дают. К сожалению, в Вильнюсе бываю не часто — раз в два месяца.

— Расскажите, пожалуйста, о самой невероятной истории — как вас в 70-е годы приглашал сниматься Антониони. Я слышала столько "правдивых" версий!

— Самая верная та, что... я прочитал в одном чешском журнале. Антониони в опубликованном там интервью заявил, что в Прагу его привел другой чешский журнал, в котором он увидел фотографию актера типа, точно соответствующего его новому замыслу. И он приехал посмотреть фильм с этим актером, но узнал, что артист — не чех, а литовец. (Речь шла о совместной советско-чешской картине "Колония Ланфиер" 1969 года, где Будрайтис исполнил главную роль. — Е.С.-А.) Еще Антониони сказал, что фильм будет сниматься двумя странами — Италией и Бразилией, уже найдена актриса на главную женскую роль — Доминик Санда. Но это я узнал уже после. А тогда мне позвонили из Праги и спросили: "Будете ли вы в девять вечера дома? С вами собирается говорить Антониони". Я очень громко смеялся, решив, что это мои друзья чехи, с которыми я работал на "Колонии Ланфиер", решили меня так "продурочить". Даже прикинул, кто, решил, что режиссер Ян Шмидт, он был "выкидывающий" таких трюков. И когда в 21.00 в телефонной трубке спросили: "Мистер Будрайтис?" — тут же закричал: "Эз! Эз! Я тебе, Шмидт, сейчас дам!" Тут повисла длинная пауза, после которой я услышал: "Мистер Антониони спрашивает, когда вы можете приехать в Рим?" Ну тут я, конечно, вылопил, чего я могу и чего не могу. И дальше уже от знакомых слышал, что Антониони написал такую просьбу, но наши потребовали сценарий, чтобы решить, может ли в его фильме играть советский актер. На что тот усмехнулся, сказал: "У меня нет никакого сценария". Тогда ему ответили, что Будрайтис у нас очень популярен, у него много работы, и ему некогда к вам ехать. Потом мы года через три встретились на Московском фестивале, поговорили через переводчика. Он сказал, что тот фильм так и не снял и снимать не будет.

— Тяжело переживали?

— Какое-то время был в постоянной нервной дрожи, потому что очень любил фильмы Антониони и никак не мог предположить, что он мной заинтересуется, потому что так не бывает. Я его обожал.

— А правда, что весь фильм "С тобой и без тебя..." — в 73-м году — вы с Нееловой целовались, и Нахапетову это так нравилось, что он вставлял потом ваши поцелуи чуть ли не в каждый кадр?

После того как Будрайтис вдоволь нахохотался, он ответил:

— Ну Родион же сам нас провоцировал!

— По-настоящему целовались?

— А как же!?

Елена СКВОРЦОВА-АРДАБАЦКАЯ.